

бывшая заключенная, автор блога @insta_ze4ka, который набирает миллионы просмотров

РАДМИЛА ДЖАНАЛИЕВА

18+

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ
ВЫБРАЛАСЬ ИЗ АДА

Я РАДА

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕЙ ЗЕЧКИ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Радмила Абдугалиевна Джаналиева
Я Рада. Девушка, которая
выбралась из ада.
Исповедь бывшей зечки
Серия «Инстазечка. Откровения,
которые научат ценить жизнь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69490210

Я Рада. Девушка, которая выбралась из ада. Исповедь бывшей зечки:

Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-190219-3

Аннотация

Я снимаю с себя маску! Делаю это с чистой душой, и мне от этого очень легко.

Я провела в тюрьме 8,5 лет.

Проблемы с трудоустройством, проблемы в личной жизни и в реализации себя как личности! А самое главное, проблемы с психикой и куча комплексов. После зоны жизнь уже не та, что была до!

Нас, бывших заключенных (именно женщин), очень много, и, конечно, никто об этом не кричит, так как боятся осуждения в

свой адрес, быть непонятыми, иметь проблемы и т. д.! Потому что у всех один стереотип – «Она же зечка»!

В этой книге я расскажу о том, что со мной произошло и как я попала на зону. Я ни в коем случае не защищаю преступников, я просто хочу дать понять, что не все туда попали, осознанно совершая преступление. Жизнь после тюрьмы есть, и всегда есть шанс исправиться!

В тюрьме есть и жертвы. И я – одна из них.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
1	9
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Радмила Джаналиева

Я Рада. Девушка, которая выбралась из ада.

Исповедь бывшей зечки

Вся информация, приведенная в книге, исторически достоверна, однако все имена действующих лиц изменены, чтобы защитить их конфиденциальность. Все совпадения случайны.

© Джаналиева Р.А., текст, 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

Меня зовут Радмила, мне 35 лет, и я бывшая заключенная.

Мне было 18, когда меня приговорили к 8,5 годам заключения по 228-й статье за распространение наркотических веществ. Восемь с лишним лет в колонии ощущались как жизнь, резко поставленная на паузу.

И вот в 2014 году я вышла на свободу – столкнулась с ней лицом к лицу и вместе с тем – с неожиданно большим количеством новых для меня вещей и непривычных повседневных дел. Я пыталась научиться пользоваться банкоматами, привыкнуть к сенсорным телефонам. Приходя в супермаркет, перестраиваться в плане цен на продукты: за банку растворимого кофе я больше не платила двумя пачками Winston или тремя – за коробочку рафаэлок. Сродни поездке в отпуск, когда все постоянно переводишь на рубли, – только у меня была совсем иная «заграница»...

Сейчас, спустя почти десять лет, я живу жизнью самой обычной женщины: воспитываю сына, работаю мастером по наращиванию ресниц и продолжаю убеждать себя в том, что в моем прошлом нет ничего страшного и я не должна больше испытывать стыд за произошедшее. Болезненный опыт и настаивающие до сих пор воспоминания о тюрьме я решила использовать на пользу другим и запустила свой YouTube-

канал.

По статистике, женщины в основном попадают на преступления не насильственных, но экономических и чаще всего не совсем справедливо.

И я, как можно понять, далеко не первая и уж точно не последняя. Огромное количество подростков сейчас отбывают наказание в стенах колоний, затем выходят на свободу и во все не знают, что делать со своей жизнью. Я тоже не знала и так же, как они, была потеряна. Поэтому мои история, опыт и блог – живой пример того, что после тюрьмы жизнь есть – можно остаться человеком и найти себя.

1

Знакомство родителей

Я родилась в 1987 году в Талды-Кургане, городе на юго-востоке Казахстана. Важно, что я казашка, а не цыганка, как считают многие из-за того, что меня крестили в семье цыган, но об этом я расскажу позже.

Мои родители познакомились, когда мама училась в пединституте. Про нее можно было сказать «умница и красавица» – за ней бегало много парней. Папа же был барабанщиком: играл в местном модном заведении под названием «Телефон» по соседству с университетом. Так их знакомство и случилось: студенты часто навевались в клуб по пятницам и выходным, чтобы выпить и отдохнуть после тяжелой учебной недели. Заглянув туда как-то поздним вечером с подружками, мама увидела местного музыканта и была им совершенно очарована – с первого взгляда влюбилась в парня, что заставлял ее девичье сердце биться в такт его ритмам.

Любовь эта была юношеской, кружащей голову и заставляющей бабочек порхать в животе. Папа одаривал маму всем, о чем только могла мечтать девушка в те времена: уделял ей внимание, заботился, всячески ухаживал, угощал вкусностями (и это в те голодные времена!). В общем, влюбиться без памяти в красивого, популярного и обаятельного

молодого человека было достаточно легко. Их история походила на сказку, в которой все заканчивается свадьбой и заветным «жили они долго и счастливо».

Но жизнь не всегда балует нас, и моим родителям не суждено было быть вместе.

Мама забеременела мной на втором курсе, и это создало достаточно много проблем. Почти все они сходились на моем отце. Оказалось, он уже был женат: по казахским традициям родители выбрали для него супругу. Между ними и недавно не было тех нежных чувств, которые отец питал к моей маме. Однако ничего не поделать: от первого брака у него родилось трое детей, и за них надо было нести ответственность. Так, почти все заработанные деньги отец отправлял в другой город – финансово содержать две семьи было бы в тягость. Но даже не это было самой главной проблемой. Быть незамужней и беременной считалось неслыханным позором, так что даже при большом желании мои мама и папа не могли быть вместе – я не обрадую вас хеппи-эндом. Своему возлюбленному мама так ничего про меня и не сказала, но твердо знала, что аборт делать не будет. Она решила справляться своими силами: пока училась и работала, с моим воспитанием ей помогала разве что ее тетя Майра.

Переломный момент в наших с мамой судьбах случился в 1988 году, когда мне был год от роду. Она тогда ходила

в больничку¹, навещала дальнюю родственницу, у которой никого из близких не было, приносила ей еду. Там-то они с Иваном и познакомилась. Молодой и видный цыган, он оказался в той больнице на условиях вольного поселения – после отсидки нескольких лет за убийство. Несмотря на его незавидное прошлое, между ними довольно быстро завязалась дружба. Они встречались, часто проводили время вместе, гуляли со мной. Как-то раз Иван даже пришел к нам в гости, а потом – снова и снова...

Как сейчас его помню: высокий, с черными как смоль длинными кудрявыми волосами до плеч и добрым лицом. И именно кажущейся доброте в его лице я всегда верила и надеялась на нее. Иван имел привычку разговаривать громко и хлестко: ты могла дернуться от его возгласа, от резкости высказывания, но его глаза... все равно оставались добрыми. Иван был чувственным, мужественным и харизматичным человеком, который целиком и полностью завладел вниманием моей мамы.

«Он тебя на руках носил, на шее катал, играл. Мне показывал фотоальбом, где были снимки трех его детей. Говорил, мол, у тебя ребенок, и у меня дети – давай воспитывать их вместе. А то их мать ушла, и я теперь совсем один остался», – рассказывала про него мама. Ее не смутило, что Иван

¹ Больничка – уменьш. к больница; небольшая больница, обычно в сельской местности. Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992.

сидел, да еще и за убийство. Она лишь подумала, что раз детей воспитывает, то и мужчина, стало быть, хороший, семейный. Подумаешь, совершил ошибку – с кем не бывает? Она, вероятно, посчитала, что исправительная колония изменила Ивана, сделала его лучше. Так моя мама безоговорочно поверила этому человеку и последовала за ним.

И тогда случился наш переезд в Россию, в город Курган. Иронично получилось, не находите? Прямо настоящий цикл: родилась в Кургане и уезжала тоже в Курган, только другой, открывая новую главу жизни...

Покой мне только снится...

Для моей матери, уроженки Казахстана, такое было неожиданным: чтобы кто-то просто взял и предложил выйти замуж, сказал, что увезет жить в другое место. Мама привыкла к гуляющим казахам, которые неохотно берут на себя ответственность и уж тем более не предлагают руку и сердце на первом этапе знакомства. Уехать с Иваном в Россию означало оставить всех родственников – все равно что предать семью. Душевные метания мамы были очевидны: с одной стороны, есть твои близкие – любящая сестра, мама, остальная родня и друзья, а с другой – молодой человек, который обещает совершенно новую жизнь, заботиться о твоём ребенке, любить его безусловно и стать лучшим отцом. Абсолютно неизведанные ранее чувства, которые вызвал переезд, захлестнули мою маму с головой. Конечно, ее вдохновляла мысль, что можно начать жизнь с чистого листа: рядом с любимым, в окружении новых интересных людей. Россия казалась ей тогда билетом в светлое будущее, необыкновенной возможностью, и то, что Иван был бывшим заключенным, ее никак не тревожило.

В итоге волею судеб мы оказались в Курганской области, и с этого момента для нас двоих все

изменилось раз и навсегда.

Я не знаю, жалеет ли об этом решении мама сейчас, уже после всего случившегося, но одно скажу точно: если бы я могла создать машину времени и повернуть время вспять, никогда не позволила бы ей совершить ту роковую ошибку. Не дала бы ни единого шанса согласиться на переезд. Я мертвой хваткой вцепилась бы в ее ногу, если нужно, приросла к ней на месте, долго кричала и плакала – до тех пор, пока руки не онемели бы держать ее, пока не осипла глотка...

Но жребий брошен, и мы оказались в Кургане.

Я хорошо помню место, где мы жили: коричневый забор вокруг огромного участка, на нем расположился не менее огромный дом, рядом с ним – конюшня с двумя лошадьми (одну из них звали Туман, и я часто прибежала к нему прятаться и плакать после побоев отчима). Поначалу меня впечатлял многоэтажный дом с хорошим ремонтом, летней террасой, кучей комнат и ковров... толстых тяжелых ковров, которые я в одиночку мыла. До сих пор как страшный сон вспоминаю крошечный тазик с мыльной водой, грязную пену, убитые щетки и вечно красные руки. Спали мы на матрасах и как придется, и если первое время я ложилась вместе с бабушкой – матерью Ивана, то потом началась игра «кто успел, тот и съел» – приходилось отбивать себе место для сна. Все потому, что в доме нас было много: я, мама, Иван, его родители и две сестры, трое его детей. И если на мою долю выпало складывать за всеми матрасы и драить ковры,

то маму ждала участь самой настоящей прислуги. Ей снова и снова приходилось готовить на всю эту ораву – еда сметалась за секунду. Она бесконечно мыла за всеми горы посуды – никто никогда не предлагал ей помощь. Белья для стирки было так много, что таскать его приходилось в двадцати мешках до ближайшей прачечной. Одним словом, никому не было дела, что я и мама не были членами семьи – у цыган мы превратились в обслуживающий персонал.

Поначалу мы зарабатывали на жизнь, кстати, не трюком со спящим младенцем в переходе, а продажей одежды. Мама и Иван оптом заказывали кучу всякого барахла: зимние куртки, меховые шапки и многое другое. Они с отчимом брали весь товар и уезжали «в тур» по городам: стучались в каждую квартиру и мастерски, по-цыгански продавали, убеждали людей купить эти куртки и шапки в 10–20 раз дороже, чем те стоили на самом деле. Меня часто брали в поездки, так что весь тот период запомнился ощущением постоянного движения: плацкарты и купе, гулкий стук колес, чай в поезде, набитые сумки у нас в руках. От Ивана, правда, проку было крайне мало: отчим почти все время пил и никогда не рвался таскать огромные баулы с одеждой на продажу.

Я всячески старалась помочь маме, насколько возможно, но все равно не могла избавить ее и от малой доли нашего тягостного существования. Получалось, что моя мама зарабатывала деньги на всю семью, в одиночку вела быт, заботилась обо мне, но что хуже всего – она считала это нормой

и терпела! Терпела вечно пьющего и бьющего ее отчима, и я то и дело невольно спрашивала себя: «Почему она мучается? Почему не уходит? Почему не заступает за меня?» Ведь нередко в попытках защитить ее от отчима побои доставались мне. Но уйти она не могла: боялась остаться одна в незнакомой стране с двумя детьми – мной и братом Сашей, которого тогда только вынашивала под сердцем.

Беременность, кстати, никак не сказалась на поведении Ивана: мама все так же таскала тяжелые сумки, готовила на всех и драила дом, терпела пьяные выходки и постоянные измены. Бывало, она даже уезжала со всеми куртками и шапками на несколько недель, чтобы хоть как-то держать всех нас на плаву. Когда нам приходилось расставаться, я долго не могла унять слезы и порой часами сидела на пороге дома в ожидании, что мама передумает и вот-вот вернется обратно. История Хатико, не иначе.

Такие одинокие недели не оставались бесследными для меня. Если с мамой я чувствовала хотя бы какие-то заботу и комфорт (а если у нас были гости, ощущала что-то отдаленно похожее на безопасность – Иван не позволял себе избивать нас при чужих), то без нее я была совсем незащищена. Моя чуткая и ранимая натура стала отличной мишенью для жестоких детей Ивана: они всячески убеждали, что моя мама мне неродная и только и ждет, чтобы избавиться от меня, сдав в детдом. Представляете, я поверила в эту чушь, причем настолько, что лет до девяти называла бабушку мамой.

Дети Ивана тоже так ее называли, потому что родная мать их бросила.

Однако в моей памяти по сей день живут и пульсирующей болью отдают все моменты, в которых мама кричит на меня, проклинает, говорит, что лучше бы я не рождалась, грозит сдать в детдом.

Помню, как зимой она усадила меня в санки и поспешно повезла куда-то. Как думаете куда? Она везла меня в детский дом, чтобы бросить там, оставить каким-то чужим и незнакомым людям. Все было как в бреду: смазанные картинки воспоминаний ощущаются как выдуманные, но нет. К слову, спасла меня именно бабушка – она побежала следом, остановила маму, схватив за плечи и закричав: «Ты что творишь?! Это твоя дочь родная! Куда ты собралась ее сдавать?! Разворачивай санки и живо назад!» Мы вернулись «домой» – так меня не постигла участь брошенного ребенка. Иногда думаю только, какой исход был бы все-таки лучше: обрети я новую семью и вместе с тем новую судьбу или останься с родной матерью в доме Ивана?

Все одно: прошлого не изменить. Мы продолжали жить все вместе, нашим цыганским табором. Хоть в целом отношение ко мне и поправилось, все равно становилось больно и обидно всякий раз, когда мои сводные братья и сестры подсмеивались надо мной. Например, бывало, я простужалась, и на носу вскакивал ярко-красный прыщ – меня, словно прокаженную, отсаживали от общего стола в дальний угол.

«Так нечестно!» – почти навзрыд плакала я. К сожалению, с несправедливостью приходилось сталкиваться очень часто.

В школу, например, меня не пустили: у моей семьи даже в мыслях этого не было. Все мое образование – три класса на кухонной табуретке рядом с учительницей, которая пыталась научить меня хоть чему-то: мало-мальски читать и писать. Приходила она три раза в неделю, но толку от знаний неоконченной началки, как можно понять, было немного.

Это единственное образование, которым меня обеспечили в детстве. Никогда не забуду, какой доброй и великодушной женщиной была моя первая и, по сути, последняя учительница. Помню, как она отпрашивала меня у мамы и отца, чтобы те пустили в школу на новогоднюю елку. «Давайте я сама отведу Радугу на утренник? Пусть девочка посмотрит, что такое праздник среди сверстников, что такое Новый год...» Родители смягчились, и мама даже дала немного денег на сладости.

И вот я оказалась на детском празднике и была ужасно... растеряна. Ребята толпами бегали, смеялись, вставали на табуреточку, зачитывая выученные стишки какому-то старику в красной шубе – он, кстати, потом раздавал подарки из большого мешка, мне тоже достался – целая коробочка шоколадных конфет в разноцветных обертках! Дети танцевали, водили хороводы вокруг наряженной елки. Хоть моя учительница подталкивала и подбадривала к ним присоединиться, я так и не отважилась это сделать: меня пугали шум и ха-

ос, да так, что хотелось поскорее вернуться в свою комнатку, к наушникам и кассетам с музыкой.

После того как праздник закончился, я так и сделала: побежала домой, схватила плеер и отключилась от мира на пару часов. В любые времена, особенно самые сложные, мне помогали абстрагироваться музыка и сериалы. Помните сериал «Клон»? Я ужасно его любила! Сидела, смотрела, затаив дыхание, особенно когда происходил какой-то кульминационный момент: Лукас признавался Жади в любви, целовал ее, и... И в этот момент мимо проходил отчим, замечая, что я смотрю «такое». Залетая в комнату и со всего размаха пиная телевизор ногой, он орал маме: «Иди, посмотри, что твоя дочь смотрит по ящику!» Испуганная до ужаса, я бежала прочь оттуда и пряталась: боялась, что снова будут бить.

Хуже этого было только то, что в такие моменты мама не вступалась за меня перед отчимом, а умудрялась еще и обвинять.

Начинались причитания из разряда: «Лучше б я тебя удавила еще в роддоме!» или «Все из-за тебя, всю жизнь мне испортила!» После таких ранящих фраз я чувствовала, что одна в своей жизни, до самого ее конца – только мне под силу было вытащить себя за волосы из той адовой трясины. Особые приливы одиночества и напрасную надежду на спасение я ощущала тогда, когда мама сама поднимала на меня руку.

С высоты прожитого опыта я воспринимаю все как то, что сделало меня сильнее, научило жизни, взаимоотношениям

между людьми. До сих пор хочу верить, что в момент, когда мама бежала с Иваном в Россию, она делала это с добрыми намерениями. Молодая женщина хотела всего лишь счастливой жизни и видела ее не в Казахстане. Добрая и такая наивная, она посчитала, что Иван и есть тот единственный, кто реализует все ее мечты. Наверное, подобное могло бы послужить ей оправданием, однако... Сколько бы я ни пыталась понять и простить маму – до конца все равно не выходит. Да, я люблю ее вопреки всему, и мне не так уж важно, права она или нет. Но как ей найти извинение, как отпустить навсегда? Ответа пока нет.

И каждый раз после брошенных в мой адрес проклятий и пожеланий смерти я забивалась в дальний угол комнаты, втыкала наушники, включала «Руки вверх!». Благодаря музыке удавалось забыться на короткое время, хоть как-то заглушить пульсирующую по всему телу боль от слов мамы. В своем иномирии я придумывала разные сценарии того, как моя жизнь становится лучше: что появляется необыкновенный мужчина (у меня или у мамы), такой прекрасный, так сильно любит, что героически вызволяет нас обоих из курганского ада. Белокурый «рыцарь» с пронзительными голубыми глазами подъезжает к нашему дому на серебристой «десятке», из открытых окон которой по всей округе разносятся «Руки вверх!» или Сандра. И вот я сажусь к нему в машину, красивая и свободная, и мы стремглав мчимся в наше светлое будущее... Воображала, что по дороге мы заезжаем

в продуктовый, набираем кучу всего, о чем только душа попросит, а потом обязательно едем в строительный и покупаем все необходимое для ремонта. Да, странным образом почти в каждом моем выдуманном сценарии мы делали ремонт...

Вот так я спасалась от суровой реальности: напевая себе под нос любимые песни, танцуя посреди комнаты в наушниках. Я мечтала о лучшей жизни и искренне верила, что однажды она настанет. Что и на моей улице будет праздник. Но потом я нажимала на плеере «Стоп», выходила из комнаты и возвращалась в уже привычную жестокость, где меня поджидали отрешенность мамы и очередная болезненная гематома от отчима.

В общем, какая уж тут учеба и утренники, когда у меня были далеко не детские проблемы и заботы.

И если сводные братья и сестры, скорее всего, и ходили в цыганскую школу, то я не ходила никуда, потому что меня ждала работа. Бывало, приезжали родственники отчима, и начиналось: «Рада сегодня ко мне домой поедет, у меня надо прибрать». А кто-нибудь в ответ говорил, мол: «Нет, у нас уже давненько не наводила порядок!» Когда стала чуть старше, ко мне, как и к моей маме, стали относиться как к прислуге: «принеси – подай». С ужасом вспоминаю моменты, когда заставляли идти набирать воду из колонки: берешь огромные фляги, ставишь на железную телегу и тянешь за собой. В путь туда – куда ни шло, но обратно... Никого, конечно, не волновало, тяжело было или нет, зима на дворе или

лето – натаскать воду нужно, и хоть лбом расшибись. Бывало, по двадцать раз могла сходить туда-обратно, так что ладони намертво примерзали к металлической ручке – отдирались они разве что с мясом.

Но самый крутой поворот моя жизнь обрела не в момент злополучного переезда из Казахстана со всем изнуряющим физическим трудом и не менее эмоциональным истощением, а в 1992 году, в период перестройки, когда в нашу жизнь ворвались наркотики.

Сначала отчим стал употреблять, а потом и вся семья стала зарабатывать на их продаже. Товар назывался «ханка» – наркотик из отработанного макового сока, на вид – самая настоящая коричневая жижа. Собственно, что не подходило для приготовления более дорогих психоактивных веществ, то и перерабатывали в более дешевый продукт и распространяли.

Жизнь бок о бок с наркотиками казалась мне естественной.

Помню, заходишь домой, а там все от мала до велика варят что-то в поварешках. Выходишь на улицу, а там кто-то синий лежит в переулке или возле колонки – иногда уже мертвый от передозировки. Вокруг него толпились стражи закона и либо принимали обколотого наркомана, который при себе еще имел несколько грамм – менты все изымали и возвращали наркоторговцам, зарабатывая на этом деньги, – либо равнодушно грузили труп. Вообще, это была довольно

отлаженная, стандартная схема: поймать наркомана с дозой, избить его, забрать всю запрещенку, а потом перепродать барыгам².

Сейчас, когда я осознаю, что вообще происходило, понимаю, какой беспредел творился вокруг.

² Барыга – разг. – сниж.: тот, кто занимается скупкой и перепродажей вещей (обычно краденых). Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.